

НАУКА О РАЗУМНОЙ ДУШЕ — ОТ СЛОВА К КНИГЕ. ВВЕДЕНИЕ К ПЕРЕВОДУ ТРАКТАТА «ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ»

Л. И. Рагозин

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: discordianonhomo@gmail.com*

Статья предваряет первый перевод с латыни значительного фрагмента трактата «ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ» 1590 года — памятника позднесcholasticкой мысли, впервые так знаменательно озаглавленного. Подробный анализ текста, характеристика его жанра и проблематики, определение интеллектуального и институционального контекста его создания должны подготовить современного читателя к восприятию этого оригинального произведения. Основным содержанием этого сборника трактатов, подобранных его редактором-составителем Гоклениусом, является аргументация о происхождении разумной души (согласно Аристотелю). Главной целью этой аргументации было опровержение ex traduce неортодоксального мнения о распространении души через средство семени отцовского. Ввиду важности этого концепта, практически незнакомого публике, делается краткий экскурс в его этимологию и историю вплоть до XVIII века. В заключении переводчик указывает, что специфический колорит его русского текста обусловлен заботой об аутентичности и стремлением сохранить структуру латинской фразы подлинника.

Ключевые слова: ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ, Аристотель, разумная душа, аргументация, риторика, схоластика, наука о душе, ex traduce.

DOI: 10.7868/S1819265318020085

Для цитаты: Рагозин Л. И. (2018). Наука о разумной душе — от слова к книге. Введение к переводу трактата «ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ» // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 130–142.

По издательскому обычаю XVI — XVIII веков научные и философские труды, как правило латиноязычные, имели длинные заглавия, первое слово или слова в котором получают более или менее подробное разъяснение. Современные исследователи, привыкшие к другому стилю оформления титульного листа, часто обходят своим вниманием тот иногда большой текст, который следует за двочислом и союзами «или» либо «то есть».

Это прекрасно иллюстрируется примером коллективного трактата «ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ: *то есть* о совершен-

стве человека, о духе, и, в первую очередь, о возникновении его, в рассуждениях и спорах некоторых богословов и философов нашего века...¹» (Goclenius, 1590) изданного в Марбурге в 1590 и 1597 годах. Ученые, начиная с XIX века, не могли пройти мимо книги, столь судьбоносно озаглавленной, и одного этого было достаточно, чтобы говорить о ее значе-

¹ ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ: hoc est, de hominis perfectione, animo et in primis ortu hujus, commentationes ac disputationes quorundam Philosophorum et Theologorum nostrae aetatis... recensente Rodolpho Goclenio, Marburgi, MDLXXXX.

нии, тем более что до второй половины XX века она считалась первым памятником, подарившим человечеству если и не саму науку, то, по крайней мере, ее обозначение. Соответственно, составителю и «рецензенту» трактата марбургскому профессору логики Рудольфу Гоклениусу, образовавшему такие неологизмы, как «онтология» и «антиномия», приписывалась честь изобретения также и «психологии» (Hamilton, 1869). Но несмотря на то что это уже опровергнуто² и заимствованное Гоклениусом слово всего лишь в греческой транслитерации украшает титул этой старопечатной книги, далее там нигде не встречаясь, *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ* остается в ряду крайне немногочисленных психологических палеотипов и заслуживает специального исследования, которого она не удостоивалась по ряду причин. Историков психологии, редко выходявших даже за пределы своего слова-детерминатива, вряд ли мог заинтересовать длинный список богословов и философов XVI века, «авторов этого труда», указанный на «следующей странице»³; историки же философии, по всей видимости, не усматривали каких-либо преимуществ в том, чтобы обременять свои занятия малоизвестными фигурами второго и третьего ряда. При такого рода обстоятельствах напоминание о том, что *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ* не была переведена с латыни на новые языки покажется просто излишним.

Пытаясь заполнить этот пробел и провести *содержательное* изучение *ПСИХОЛОГИИ*, мы обратим внимание на вторую и большую часть титульного листа: «о совершенстве человека, о духе и, в первую очередь, о возникновении его». Вследствие этого мы получаем совершенно новые возможности для анализа, принципиально отличные от тех, кото-

рыми ограничивался исследователь, сосредоточивший все свои силы на левой стороне этого издательского «уравнения». Возвращая *ПСИХОЛОГИЮ* под редакцией Рудольфа Гоклениуса в контекст всей предшествующей традиции рассуждений о возникновении души и духа, мы как бы переворачиваем проблему происхождения психологии — отказавшись от модернизаций и поиска прототипа «современной» науки, мы будем изучать источник и его основные темы, прорастающие в будущее, но коренящиеся в прошлом.

Прежде чем непосредственно приступить к анализу хотя бы только первых частей *ПСИХОЛОГИИ*, перевод которых мы осуществили, необходимо высказать ряд соображений касательно ее весьма проблематичного *жанра* и *предмета*.

ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ — произведение коллективное, и одного этого уже достаточно, чтобы судить о его оригинальности и представить себе трудности, возникающие при всякой попытке приписать ее к какому-либо определенному жанру. Коллективная работа является результатом интенсивного общения и координации усилий, немислимой вне четких институциональных рамок. Даже в позднейшие времена личная переписка была основным, возможно, единственным средством обмена научными и философскими взглядами. Международные научные конференции, материалы которых *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ* более всего напоминает, не появляются ранее XIX века, коллективные монографии и сборники статей также явление довольно позднее. Можно сказать, что *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ* представляет собой коллективный трактат, хотя это заключение и не влечет за собой нового знания и лишь камуфлирует проблему. В дальнейшем в целях удобства мы будем называть эту книгу «трактатом». *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ* — произведение схоластическое по форме, и основные черты схоластического «стиля», остающиеся

² См.: Krstic, 1964; Starobinski, 2000; Lamanna, 2010; Vidal, 2011; Luccio, 2013.

³ Goclenius, 1590, p. 1.

неизменными на протяжении столетий: противопоставление двух взаимоисключающих точек зрения; нахождение весьма разнообразно обосновываемых доводов в защиту и в опровержение каждого из противоположных тезисов⁴; *reductio ad absurdum* (сведение к нелепости, рассуждение от противного) как главный прием аргументации вполне характерны для ПСИХОЛОГИИ, хотя и не исчерпывают ее характеризуют. Из стихотворного эпиграфа, написанного неким Германом Кирхнером Герсфельдианом: «Гокления труд изучай, благодарная юность⁵», будто бы следует, что ПСИХОЛОГИЯ предназначалась для учебных целей⁶. Но специальный предмет ее, преобладание проблемного изложения над догматическим, сама структура текста, который целиком выстроен из более или менее нарративизированной силлогистики, избилующей многочисленными версиями одних и тех же аргументов «от противного», превращая ПСИХОЛОГИЮ в своеобразную исследовательскую лабораторию, делают ее неудобоприменимой для педагогического процесса.

Вопрос о предмете ПСИХОЛОГИИ еще более сложен. На титульном листе книги неизвестное, ПСИХОЛОГИА, передано через известное: *о совершенстве человека, о духе и, в первую очередь, о происхождении его. ПСИХОЛОГИА*, как мы уже упоминали, далее нигде не встречается, *о совершенстве человека*, заключающем

ся главным образом в *происхождении духа*, пишет только Герман Вультей (см. ниже), причем связываются эти два явления у него несколько искусственно, если не прямо фиктивно. Все остальные девять авторов первого издания 1590 года пишут только о *возникновении духа* или чаще *души*. Под *духом* в соответствие с древней традицией, уже зафиксированной Цицероном в «Тускуланских беседах», а у христиан — Тертуллианом в его *De anima* (глава 12), понимается высшая разумная душа человека.

Необходимо вновь остановиться и коснуться этой важнейшей интеллектуальной традиции, к которой принадлежали авторы ПСИХОЛОГИИ. В трактате «О душе» (*Περὶ Ψυχῆς, De Anima*) Аристотель, применивший к понятию души основоположения созданной им онтологии (учение о бытии в возможности и бытии в действительности) и гиломорфизм (система взаимоотношения материи и формы), создал универсальное учение о душе как форме тела всех живых организмов⁷. Человек единственный из них обладает всеми тремя ее «отраслями»: растительной, животной, или чувствительной, и разумной, которые у него находятся в гармоническом единстве и иерархическом соподчинении. Однако вопрос о возникновении разумной души или, как ее потом стали называть, интеллекта, Аристотель в этом своем сочинении оставляет без решения. Он обретает особую актуальность с появлением христианства, когда именно происхождение разумной души становится предметом полемики крупнейших мыслителей — богословов (напр. Августина).

В эпоху схоластики, начиная с XII века, комментарий превращается в важнейшую форму философской работы, и комментирование трактатов Аристотеля признается достойным усилий луч-

⁴ Одним из самых сильных, часто решающих аргументов является ссылка на Священное Писание.

⁵ *Gocleni studium, grata juvenas, colas.*

⁶ Хорошо известно, что схоластика развивалась в рамках средневекового университета и в течение столетий оттачивала свои методы в конкретном преподавании. Отсюда и возникло это позднейшее, несколько пренебрежительное обозначение ее как «школьной» философии (*schola* по-гречески и латыни означает «школа»). Однако ПСИХОЛОГИА слишком «монографична» и риторична для классической схоластики.

⁷ *De Anima* II, 1, 412a20–1.

ших мастеров. Комментирование трактата «О душе» приобретает особую популярность также благодаря «психологической» самоуглубленности, свойственной европейскому средневековому мышлению⁸. В течение нескольких столетий на этот труд философа составляется столько комментариев, что из них образуется целая литература, вся совокупность которой в позднейшую эпоху получает наименование *scientia de anima*, «науки о душе» сыгравшей свою роль в позднейшем формировании дисциплины психологии⁹. Все многообразие произведений, озаглавленных *De Anima*, можно свести к двум основным типам. Одним из них будет тип строгого комментария к Аристотелю, где точность и детальность отнюдь не препятствуют проявлению комментатором оригинальности. Образцом такого труда без сомнения является *Sentencia libri De Anima* Фомы Аквинского¹⁰. Характерный пример другого типа произведений, в котором задача пояснения аристотелевского текста уже отступает перед высказыванием собственных, порой неортодоксальных, взглядов автора, подобрать труднее. К самым интересным вещам подобного рода, однако очень поздним, можно отнести *Liber De Anima* Меланхтона¹¹, где осуществлена попытка комбинировать перипатетическую онтологию с анатомией Везалия. *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ*, трактующая о возникновении *духа*, тождественного разумной душе, также относится к этому типу работ в рамках «науки о душе», тем более что «душа», *anima*, там несравненно чаще встречается, чем «дух», *animus*, употребляемый в первую очередь самим Гоклениусом. Не являясь коммента-

рием к какому-либо из трактатов Стагирита, *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ* испытала его сильнейшее влияние как прямо — посредством ссылок уже на оригиналы *Περὶ Ψυχῆς* и других его сочинений, — так и косвенно — через схоластический метод, в основе которого, как известно, лежит силлогистика Аристотеля.

Итак, на страницах *ПСИΧΟΛΟΓΙΑ* разворачивается аргументация о возникновении духа, но ее сухость освежена цветочком риторики, кое-где, особенно во введении, разрастающимся до пышных барочных флорилегий. Аргументация ведется «за» или «против» каждой из двух альтернативных версий происхождения человеческой души, существовавших в христианском богословии: сотворения ее Богом в каждом человеке по отдельности (*creatio a Deo*) или ее распространения «естественным» путем от первочеловека Адама ко всем его потомкам¹². Эта последняя версия настолько проблематична и вместе с тем настолько притягательна для авторов *ПСИΧΟΛΟΓΙΑ*, что каждый из них в типичной схоластической манере вопрошает: *an* (или *utrum*) *Anima sit ex traduce?* — существует ли Душа из отводка или *от черенка*, как мы могли бы перевести латинское словосочетание *ex traduce*, предпочитая однако оставлять его без перевода. *An Anima sit ex traduce?* — вопрос-лейтмотив всей книги, поиск ответа на него превращается в главную цель ее написания, *ex traduce* признается, таким образом, основной *анопорией*, по выражению Гоклениуса¹³, или, как мы переведем, логической проблемой, человеческого духа. И хотя кажется, что для ее первого

⁸ Майоров, 1979, p. 18.

⁹ См.: Fernando Vidal «The Sciences of the Soul. The Early Modern Origins of Psychology», Chicago and London, 2011.

¹⁰ Aquinas, 1951.

¹¹ Melancton, 1595.

¹² Третья в ряду средневековых доктрин, объясняющих происхождение души, — доктрина предсуществования (*praeexistentiae*) души как эманации Бога, стоит несколько особняком и, хотя получает некоторое рассмотрение на страницах *ПСИΧΟΛΟΓΙΑ*, не находится в силах сравниться в полемическом потенциале с *ex traduce*.

¹³ Goclenius, 1590, p. 10.

издания отрицательный ответ всеми был дан заранее, полемика *Pro et Contra ex traduce*, развертывающаяся на ее страницах, достигает чрезвычайной изощренности. Мы будем считать эту полемику *предметом* сборника небольших трактатов, названного «**Психология**».

Если *ex traduce* обладает таким значением для **Психологии**, то утверждение о том, что оно оказало влияние на формирование одноименной с трактатом дисциплины трудно назвать бесосновательным. Но не решаясь далее идти по пути догадок, мы ограничимся кратким экскурсом в более чем полуторатысячелетнюю историю этого понятия.

По Латинско-русскому словарю значение распространенного глагола *traduco* (*trans-duco*) передается с помощью глаголов «переводить», «перемещать», «переправлять», «выводить», «производить» (Дворецкий, 1976). Отглагольное существительное *tradux* означает «другого [растения] отводок, корень, либо начало» (Du Cange, 1886), у Варрона, Плиния, Колумеллы это технический термин виноградарства; свою растениеводческую, так сказать, коннотацию *ex tradux* никогда в полной мере не избудет. В позднейших источниках *tradux* чаще встречается в сочетанной форме как *ex traduce*, или *per traducem*, аблатив и аккумулятив с соответствующими предложениями означают движение *из* (*ex*) и *через* (*per*). Уже в христианскую эру, на рубеже II и III веков, Тертуллиан, опираясь в основном на ныне утраченный трактат «О душе» греческого медика Сорана, отчасти также на труды досократиков и стоиков, применил *tradux* для объяснения распространения телесной и моносубстанциональной в его понимании души, первоначально сотворенной в Адаме Богом (Бытие II, 7) (Tertullianus, s.d.). Учение Тертуллиана было решительно отвергнуто такими Отцами Церкви, как Иларий Пиктавийский и Иероним Стридонский, однако современник

Иеронима Августин Блаженный может объяснить пятнание души первородным грехом только *per traducem*, означающее и распространение души *per traducem*, что, в свою очередь, предполагало бы ее материальность, которую он, как и все православные богословы, отрицает (*De Anima et ejus Origine* I, 8 –I, 14 (21)). Это противоречие Августин считает не в человеческих силах разрешить (Augustinus, s.d.).

«Перепрыгнув» несколько веков, отделяющих патристику от схоластики, мы встретим приблизительно те же самые аргументы «за» и «против», что и прежде, но чаще «против». Корифеи-схоласты Бонавентура и Фома Аквинский не признают *ex traduce* совместимым с учением католической церкви. Только в эпоху Возрождения и в особенности во времена Лютеровской Реформации оживет положительный интерес к *ex traduce*. Сам Лютер на закате своей жизни представил тезисы для диспута в защиту *ex traduce*. Он не считает, что для Бога может быть трудностью вывести из запятнанного семени мыслящую душу (Luther, 1932, p. 342). Лютер без сомнения дал толчок к возобновлению полемики о происхождении разумной души, но уже второе поколение его последователей, и среди них непосредственные преемники его дела, принимают участие в создании такого трактата как **Психология**, где главной целью по-прежнему ставится опровержение *ex traduce*.

«Пропустим» еще столетие и сделаем краткий обзор финального, возможно самого интересного этапа истории этого *понятия* в XVIII веке. Г. В. Лейбниц модернизирует *per traducem*, смыкая его с учением о преформации Яна Сваммердама и Антони ван Левенгука. По его мнению, «души... находились в семени... и существовали, следовательно, с начала вещей всегда в виде организованного тела» (Leibnitz, 1734, p. 135). *Per traducem* становится инструментом преформации разумной души, которая может иметь как божествен-

ное, так и естественное происхождение. По Эммануэлю Сведенборгу, человеческие вместилища божественных принципов Любви и Мудрости передаются *per traducem* (Swedenborg, 1815), но ученик Лейбница Христиан Вольф под влиянием картезианской метафизики категорически отвергает *per traducem* (Wolfius, 1737), и его повторяет Иммануил Кант, рассматривавший все же возможность использования эпигенеза Каспара Вольфа для объяснения происхождения «бесконечной души» (Kant, 1997). После Канта какой-либо философский или научный интерес к *tradux'u* и его производным окончательно угасает.

Ex traduce как своеобразный натуралистический («материалистический») монизм, несовместимый с аристотелевской онтологией, с одной стороны, был совершенно неприемлем для многих Отцов и Учителей Церкви. С другой стороны, *ex traduce / per traducem* даже с догматической точки зрения давало наиболее убедительное и непротиворечивое объяснение пятнания души первородным грехом и, являясь как бы прямым следствием из уже упоминавшегося места Священного Писания (Бытие II, 7), не могло быть просто отброшено как ересь. Антиномия, имманентная *ex traduce*: материальное / духовное интенсивно эксплуатировалась богословами всех исповеданий, а на заре Нового времени *per traducem* привлек к себе интерес естественных исследователей и оказал влияние на формирование биологического учения о преформации, с которым слился в XVIII веке.

Теперь мы можем перейти к общей характеристике трактата и к анализу первых двух частей *ПСИХОЛОГИИ*.

Трактат «*ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ...*» был опубликован в Марбурге в 1590 году и переиздан там же в 1597. Книга содержит 303 страницы In-octo, во втором издании она расширена до 383 страниц. Она является компиляцией сочинений одиннадцати авторов в издании 1590 года (Goclenius,

1590) и пятнадцати авторов в «исправленной и дополненной» (*correcta et aucta*) версии 1597 года (Goclenius, 1597). Рудольф Гоклениус для первого издания *ПСИХОЛОГИИ* подобрал произведения протестантских богословов и философов, в основном германских, за исключением англичанина Тимоти Брайта, некоторые из них, как Каспар Певцер, принадлежали к ближайшим сподвижникам Меланхтона. Все они были современниками и даже знакомыми своего «рецензента». Во второе издание включен трактат итальянца Джироламо Занчи «О происхождении душ» и небольшие работы Ю. Ц. Скалигера и Дж. Савонаролы, что несколько расходится с заявленным в титуле обещанием представлять «рассуждения и споры» «богословов и философов *нашего века*», так как первый скончался за 40, а второй был казнен за 100 лет до переиздания *ПСИХОЛОГИИ*. Издание 1597 года завершается фрагментом трактата *Триумф философии* философа и врача Николая Таурелла (1547–1606), помещенным уже после итоговых замечаний Рудольфа Гоклениуса.

Сразу за титульным листом *ПСИХОЛОГИИ* и «указателем и списком авторов этого труда», т.е. оглавлением, следует «посвятительное письмо» (*epistola dedicatoria*) Рудольфа Гоклениуса «щедрому, равно как и благочестивому эрудиту, изысканным воспитанием и гуманистической ученостью украшенному юноше, Гартману фон Берлепшу, тюрингскому дворянину¹⁴».

Философские и научные труды вплоть до XIX века, как правило, посвящались высококордным, либо богатым покровителям своих создателей, часто ими были государи. Ввиду разницы в происхождении и состоянии философов и ученых, а также различной степени их зависимости от

¹⁴ Generoso Iuxta Ac Pio, Eruditaque Humanitate, et humana eruditione ornatissimo adolescenti Hartmanno a Berlepsch, nobili Thuringo.

патронов и близости ко двору посвящения могли нести весьма разнообразную смысловую нагрузку: от символического реверанса до *необходимых* уверений в *подлинной* преданности. И «независимый» мыслитель в надежде заручиться поддержкой влиятельной особы делал ей посвящение своего нового произведения, иногда даже нескольким особам сразу, как Декарт. У многих других авторов это происходило более непосредственно, может быть, и в «добровольно-принудительном» порядке. Лорд Бэкон допустил бы немыслимое нарушение своих придворных обязанностей, не представив «Новый органон» «Светлейшему, Сильнейшему Государю и Господину нашему Якову [I Стюарту]», а Ньютон, величайший свой труд «покорнейше» (*humillime*) преподнесший не только «славнейшему Королевскому Обществу Светлейшим Карлом II учрежденному», но и «Могущественнейшему Монарху Якову II [Стюарту]», до свержения которого оставался только год, вряд ли мог бы поступить иначе.

Посвящение обычно имело вид письма, где в почтительной форме, вперемежку со славословиями и комплиментами меценату, обосновывается то, что сейчас мы бы назвали актуальностью исследования, формулируются цели и задачи, отмечается вклад предшественников; посвящения ученых и философов XVI — XVIII столетий являются неким гибридом ораторской речи, покорнейшего прошения и научного введения в современном смысле. Гоклениус обращается к Гартману фон Берлепшу, юному тюрингскому дворянину, воспитателем которого он, по-видимому, был. Род Берлепшей, захиревший к XIX веку и впоследствии угасший, был славен некогда в Тюрингии, молодого Гартмана готовили, несомненно, к политической или дипломатической карьере.

Произведения Цицерона являлись непревзойденными образцами стиля для нескольких западных Отцов Церкви (на-

пример, Лактанция и Иеронима), не говоря уже обо всех ренессансных авторах, начиная с Петрарки. Гоклениус не составляет исключения: его введение изобилует пассажами, заимствованными из разных философских диалогов римского оратора и мыслителя. Впрочем, творчество Цицерона имело для Гоклениуса также и концептуальное значение, которое нужно пояснить. В своих философских произведениях, имевших в подражание Платону форму диалогов, римский оратор и мыслитель стремился сглаживать противоречия между учениями разных философских школ: не только между последователями Платона и Аристотеля, академиками и перипатетиками, но и стоиками и эпикурейцами. Цицерон пытался объединить сильные стороны этих учений и на основе компромисса образовать философскую систему, которая была бы лишена слабостей и противоречий, присущих каждой из этих школ. Тем не менее, ни ясность его систематического ума, ни огромные познания в философии не помогли ему создать синтетической доктрины, и получилась лишь философская эклектика, ставшая, однако, неисчерпаемым источником эрудиции для будущих поколений¹⁵. Компромиссный дух свойствен Гоклениусу, как и всему Ренессансу, он хочет находиться «над схваткой» повсюду: в традиции концептуализма занимать позицию между реализмом и номинализмом (см. ниже), даже найти третий или четвертый путь между сотворением и порождением (*ex traduce*) души, как он это пытается сделать в написанном им послесловии к *ПСИХОЛОГИИ* (Goclenius, 1597, p. 379–380).

Итак, Гоклениус начинает свое буквально сотканное из цicerоновских цитат *посвятельное письмо* с указания на трудности и вместе с тем удовольствие, которые испытывают исследователи при-

¹⁵ Цицерон, 1985, p. 5.

роды духа (Animus). Он тотчас же ставит основной вопрос, на который попытаются ответить все авторы данного трактата: «с неба ли, то есть извне, божественный дух человека попадает в тело или же родителями посредством рока и зачатия порождается?» (Goclenius, 1590, p. 4).

Воздавая хвалу как Аристотелю, так и Академии и, как уже было отмечено выше, заняв в споре об универсалиях умеренную позицию, вслед за Альбертом Великим и Фомой Аквинским (Goclenius, 1590, p. 7), Гоклениус предлагает *апории* касательно происхождения духа человеческого. К тому же величественным будет подвергнуть рассмотрению ученого собрания вопрос о происхождении духа (Goclenius, 1590, p. 10). Сам составитель, воздерживаясь от его решения, оставляет это на усмотрение читателя и не желает уподобляться фанатикам, столь ревностно отстаивающим свою точку зрения, будто бы речь шла о вере и спасении. Далее Рудольф Гоклениус, обращаясь к своему знатному питомцу, убеждает фон Берлепша не пренебрегать, но, напротив, с радостным сердцем принять его «подарочек», состоящий из «трактатиков», «пусть и позаимствованных из разных мест (Goclenius, 1590, p. 11). Введение завершается панегириком Гартману фон Берлепшу: прославляя его высокие моральные и интеллектуальные достоинства и юному дворянину предвещая блестящее будущее.

Первой в списке работ, собранных Гоклениусом для его «ПСИХОЛОГИИ», стоит *Германа Вультея, юрисконсульта, диатриба о философском совершенстве человека, в Марбургской академии, публично предложенная в качестве пролегомен (προλεγόμενων) к толкованию «Тимея» Платона 30 января 1581 года*¹⁶.

¹⁶ Hermanni Vultej, Jurisconsulti Diatribe de perfectione hominis Philosophica: in Academia Marburgensi publice *προλεγόμενων* loco proposita, cum Timaeum Platonis interpretaturus esset, 30 jan. Anno 1581.

Прежде чем перейти к анализу «*Диатрибы*» Германа Вультея, нам необходимо с большим вниманием остановиться перед этой знаменитой в свое время фигурой, практически неизвестной у нас, да и на своей родине полузабытой.

Род Вультеев, не угасший до сих пор, связан с некоторыми ключевыми событиями германской истории: например, одно из первых достоверных упоминаний о нем связано с разгромом и гибелью Карла Смелого, герцога Бургундского в 1476 году. Отец Германа Юст Вультей (1529–1575), известный юрист и педагог, был знаком со многими знаменитостями своего времени: Кальвином, Меланхтоном, Людвигом Лафатером, Франсуа Отманом¹⁷. Юст преподавал в Марбургской Академии. Герман Вультей родился в Марбурге в 1555 году. Обучался он в Марбурге и Гейдельберге, где получил степень магистра в 1574 году в возрасте 19 лет. Затем по обычаю молодых людей своего круга путешествовал, встречался с известным философом Франсуа Отманом в Женеве в 1576 году. Вернувшись на родину, он стал доктором права (1580) и ректором Марбургского университета в 1592. В 1630 году император Священной Римской Империи Фердинанд пожаловал ему титул *Comes Palatinus* (Пфальцграф) и ввел его в имперский совет. Умер Герман Вультей в Марбурге в 1634 году.

Вультей, единственный из всех соавторов «ПСИХОЛОГИИ», пытается придерживаться ее «темы», заявленной в титуле — *о совершенстве человека*.

Жанр диатрибы к XVII веку стал весьма расплывчатым, и к нему относили всякое ораторское произведение философско-назидательного характера. Речь Вультея, «...предложенная в качестве пролегомен к толкованию «Тимея» Платона...», имеет хотя бы какое-то отношение к диалогу греческого мыслителя разве только

¹⁷ Kuchenbecker, 1737, p. 12.

в том, что затрагиваются в ней «совершенство» и «душа», «Тимей» же ни разу даже не упоминается. *Диатриба о философском совершенстве человека* очень далеко отстоит и от комментария к *Περὶ Ψυχῆς* Аристотеля, несмотря на то что этот трактат является ее главным источником и цитируется уже в греческом оригинале, хотя без сомнения принадлежит к «науке о душе» (см. выше). Молодой немецкий мыслитель также весьма хорошо знаком с творчеством Цицерона, что прослеживается по многочисленным заимствованиям.

Герман Вультей начинает свою *Диатрибу* с указания на то, что совершенство в вещах, сотворенных, оскверненных пороками и преступлениями, трудно отыскать, хотя бы его и требовали не только Бог, но и общество и философия. Только Бог посредством Священного Писания может сделать человека «изящнее, крепче и сильнее». Тем не менее Вультей собирается коснуться «гражданского или философского совершенства человека» (Goclenius, 1590, p. 17–18). Человек состоит из двух различных частей: души и тела. Герман Вультей вначале воспроизводит аристотелеву трехчленную структуру души, затем, должно быть, по примеру своего наставника Меланхтона, переходит к телу. Врачи, начиная с Галена, применяли к человеческому телу аристотелево учение о четырех элементах (стихиях) подлунного мира: холодного, и влажного, и горячего, и сухого, и их парного взаимодействия (Аристотель «О возникновении и уничтожении»). Человек есть умеренное их сочетание (p. 19). Вультей говорит о теле, затем о растительной душе и органах, ея действия выполняющих, далее — о чувствительной душе, о чувствах, внешних и внутренних: воображении (*phantasia*) и памяти (*memoria*), являющихся посредниками между пятью внешними чувствами и интеллектом.

Автор «Диатрибы» подчеркивает, что в действиях растительной и животной ду-

ши человека превосходят многие живые существа и только мыслительной способностью он над всеми возвышается (p. 21). Два элемента совершенствуют ум: Истина и Честность. Истина является согласием актов ума с самим предметом, и тот, кто его находит, — знает (p. 23). Честное есть доброе и прекрасное *per se*. Оно рождается из разума, выбора и воли. К стремлению природа присоединяет гнев и вожделение (Платон «Государство», Аристотель «О душе») (p. 25). Гнев находится в сердце, вожделение — в печени. Из Честного возникают некие обычаи правильного суждения, подвластные воле добродетели. Добродетели существуют моральные и интеллектуальные (Аристотель «Никомахова Этика», VI). Герман Вультей детально приводит аристотелеву классификацию добродетелей и подробно перечисляет их (p. 26–30). Затем он, закончив вводную часть, задает свой вопрос: существует ли душа *ex traduce*, то есть возникает ли она из материи семени, так же как и тело, или же она Богом сотворяется? (p. 30). По его мнению, душа, будучи сущностной формой (*forma substantialis*), сотворяется из ничего в самый момент порождения (*generatio*), когда материя зародыша наиболее способна к ее восприимчивости (p. 32). Это означает, что Вультей был умеренным креационистом, стремившимся сочетать религиозную догматику, перипатетическую онтологию и медицину своего времени. Вультей приводит пять «онтологических» аргументов в пользу креации: I и II аргументы доказывают невозможность порчи души от тела, III — неприменимость к душе категорий части и целого, в IV утверждается, что действие телесной способности ограничено и не распространяется на душу. Наконец в V аргументе обосновывается, что душа, не могущая являться ни силой, ни деятельностью (*ἐνεργεία*), не зависит от материи тела (p. 33–34). Затем даются контраргументы традиционистов:

1. Первородный грех свидетельствует о существовании души *ex traduce*.
2. Порождение всяким животным себе подобного по виду, происходящее *ex traduce*, совершенно, порождение человека не должно быть иным, чтобы не быть несовершенным.
3. Креация души в каждом человеке означает одобрение прелюбодеяния.
4. Отдохновение Бога от всех трудов своих предполагает перемещение души *ex traduce*.
5. По Библии душа — в крови. Следовательно, душа, как и кровь, перемещается *ex traduce*.
6. Сыновья по душевному складу напоминают отцов, что свидетельствует в пользу *ex traduce*.
7. Если растительная и чувствительная душа распространяется *ex traduce*, а у человека душа — неразрывное единство растительной, чувствительной и разумной души, то и последняя распространяется *ex traduce*.
8. Человек есть единство души и тела, и нелепо, чтобы одно возникало раньше, чем другое; тело начинает возникать в делении семени, значит — также и душа.
9. Все, что живет, живет посредством души, следовательно — и семя, при том, что в нем обнаруживается жизненное тепло (р. 34–40).

Каждый из этих контраргументов получает исчерпывающий ответ, представляющий собой креационистское опровержение.

Ex traduce опровергается также рядом мест из Священного Писания; помимо этого *ex traduce* противоречит самой сути религиозного мировоззрения и граничит с безбожием. Но и против тех, кто не признает Писания, имеют силу доводы философов: от Фокилида и Пифагора до Аристотеля, который обильно цитируется (р. 41). Далее вновь приводятся фи-

лософские аргументы в пользу креации, но уже сугубо метафизические (р. 42–43) и метафизические же возражения (*objectiones*) на них:

- I. Все, имеющее начало, имеет и конец, в соответствии с этим — и душа.
- II. Нет сущности, которая бы не действовала на что-либо. Действия души осуществляются через органы тела, поэтому душа, отделенная от тела, действовать не может (р. 44).
- III. Чем больше ослабевает тело от болезни, тем более слабеют чувства не только внешние, но и внутренние. Соответственно, если совершенно гибнет тело, то совершенно гибнет и дух (*animus*) (р. 45).
- IV. Душа болезненно исходит из погибающего тела, а не делается сильнее и счастливее.
- V. Нечто бессмертное не подвержено волнениям (*perturbationibus*), тогда как душа сильно им подвержена (р. 46).
- VI. Формы не существует без субстрата (*subjectum*), а душа — форма тела.
- VII. Чувствительная душа, принадлежащая к одной и той же сущности, что и разумная душа, тленна, что свидетельствует и о тленности разумной.
- VIII. Если смерть есть наказание за грех, то и согрешившая душа смертна (р. 47).

За философскими возражениями против креации расположены четыре возражения, основанные на авторитете ряда мест из Священного Писания, в основном Ветхого Завета (р. 48–49). После чего несколько неожиданно Вальтей приступает к довольно подробному описанию человеческого тела, безусловно, в соответствии с новейшей анатомией Везалия, кое-где касаясь физиологии, например пищеварения (р. 52), в этом, возможно, следуя Фернелю. *Liber De Anima* Мелан-

хтона могла дать образец такой аналогии или диалога между душой и телом. Тело есть украшенное обиталище духа, но человек рожден не для одного себя, а для родины, родителей, друзей (р. 53), и поэтому Герман Вультей почти тотчас же после описания кишечника делает небольшой эскиз политической философии по Аристотелю и Цицерону, постепенно перемещаясь к сфере своей специальности — римскому праву, давая очерк сначала частного (р. 55–58), затем государственного права Римской республики и Империи. Дигесты Юстиниана здесь послужили основным источником.

Завершая свою «Диатрибу», ее автор вновь возвращается в этический план и, кратко подытоживая свой ответ на вопрос о *совершенстве человека*, находит его в который раз по Аристотелю «в добродетели и действии добродетели как ума, так и воли...» (р. 62).

Характеризуя *ПСИХОЛОГИЮ* как произведение схоластическое, по форме и методу мы оговаривались, что к этой базовой характеристике не следует сводить не вписывающиеся в нее особенности данной «вещи». Конечно, это обилие пышной риторики, цицеронианство стиля присущи в первую очередь «посвятельному письму» Рудольфа Гоклениуса, чего и следовало бы ожидать от произведения подобного жанра. «Диатриба» Германа Вультея, построенная по всем правилам ораторского искусства, скорее всего, действительно была *публично предложенна 30 января 1581 года*. Гоклениус и Вультей со своим претенциозным и даже прециозным¹⁸ стилем и специфическим щегольством греческими философскими терминами, безусловно, противопоставляются коллегам с их «технической» латынью. Как и в остальных работах, входящих в *ПСИХОЛОГИЮ*, в «Диатрибе» исполь-

зуются классические схоластические приемы: *reductio ad absurdum*, тезисная аргументация и т.п.; многие из ее пассажей несут также определенное сходство с рядом католических сочинений, в первую очередь, с сентенциями Бонавентуры, у которого позаимствован и ряд доводов. Но мы еще раз подчеркнем оригинальность «Диатрибы» как на фоне других трактатов, включенных Гоклениусом в «*ПСИХОЛОГИЮ*», так и безотносительно.

Возьмем для сравнения самый длинный из них: *Изыскание богословское и философское, существуют ли души ex traduce или же Богом ежедневно вдыхаются, из сочинений древних и новых авторов Иоганна Якоба Колера Тигурина*¹⁹ (Goclenius, 1590, р. 98–171). Этот трактат, типично схоластический по самому своему заглавию *Quaestio* — так в Средние века назывался целый жанр некоего систематического исследования, в первую очередь, конечно, богословского, обладает предельно формальной «схемой»: тридцать два аргумента *ad absurdum* против *ex traduce* и двадцать одно возражение на них за *ex traduce*. И хотя Тигурин упоминает новые имена, среди которых Жан Кальвин и Жан Фернель (Goclenius, 1590, р. 140, 147), однако его *Изыскание* практически неотличимо от всякого схоластического трактата сходной проблематики XVI, XV или даже XIV века ни по стилистике, ни по формализации аргументации, ни по подбору доводов.

Совсем иное впечатление производит «Диатриба» Вультея. Во-первых, если принимать во внимание специфику титула, как это было сделано выше, то *Диатриба, ... публично предложенная в качестве пролегомен к толкованию «Тимея» Платона*, пусть и не могущая вернуть нас во Флоренцию столетней давно-

¹⁸ От французского *précieux* — жеманный, вычурный.

¹⁹ Quaestio Theologica et Philosophica, num Anima sit ex traduce, an vero a Deo quotidie inspiretur, ex veterum et recentium scriptis, quam diligentissime collecta, a Ioanne Jacobo Colero Tigurino.

сти, все же даст возможность погрузиться в своеобразный ренессансный контекст, которому Германия конца XVI века оказывалась все более и более чуждой. Во-вторых, уже одно массивное цитирование Германом Вультеем философских диалогов Цицерона и особенно Аристотеля в подлиннике («О душе», «Никомахова этика») позволяет отнести автора «Диатрибы» к рамизму или полурамизму²⁰ — аморфному интеллектуальному течению, созданному последователями знаменитого французского мыслителя Петра Рамуса (Пьера де ля Раме), который, несмотря на свои эффектные выпады против Стагирита, не сумел создать эффективной альтернативы перипатетической методологии. Рамус призывал изучать Цицерона и «подлинного» Аристотеля, освобожденного от схоластических наслоений. В-третьих, труд Вультея, подобно выше упоминавшемуся трактату Меланхтона, принадлежит к направлению *психеистики*, о котором нужно сказать особо. По концепции В. А. Шкуратова психеистика, являющаяся рассуждениями о душе как нераздельной с телесным началом или наукой об одушевленных телах, представляет собой одно из двух направлений *протопсихологии*, совокупности учений о душе до возникновения психологической науки²¹. Само собой разумеется, что психеистика ведет свое начало от Аристотеля и его учения о трех отраслях души²². Логической кульминацией психеистики является бихевиористская психология XX века. Другим направлением протопсихологии, противоположным психеистике, В. А. Шкуратов считает эгологию,²³ вос-

ходящую к Платону и получающую «современный» вид у авторов феноменологической и экзистенциалистской мысли. Молодой немецкий мыслитель Вультей видит *совершенство человека* как в целесообразном строении человеческого тела, так и в государственном устройстве Римской империи. Несмотря на свое отвержение *ex traduce* и его натуралистической и монистической импликации, своеобразный психеистический холизм кажется Герману Вультею настолько само собой разумеющимся, что он не находит нужным пояснять собственные, подчас неожиданные, переходы от души к телу, а от него к публичному и частному праву.

Мы проанализировали «посвятельное письмо» Рудольфа Гоклениуса и «Диатрибу» Германа Вультея. Эти произведения обладают стилистическим единством и в совокупности составляют примерно одну пятую часть всего текста первого издания *ПСИХОЛОГИИ*. Их перевод теперь предлагается вниманию читателей.

В заключение слово предоставляется переводчику, который расскажет о ображениях, руководящих его работой. Целью ее является аутентичная передача оригинального текста — не только содержания, но и формы, чему в значительной мере благоприятствовал синтетический строй общий для обоих языков. Мы взяли себе за правило везде, где только это могли позволить русский синтаксис и элементарная удобочитаемость, воспроизводить порядок слов латинской фразы, и хотя это не могло не привести к известной архаизации нашего перевода, он от этого лишь выиграл в точности. Конечно, нам могут возразить, что такая точность достигается за счет громоздкости и неестественности языка, но можно ли вообще пытаться реконструировать интеллектуальную атмосферу отдаленной и, очевидно, чуждой эпохи, атмосферу схоластического дебата, украшенного риторическим витийством, пользуясь только современ-

²⁰ «Смягченной», компромиссной версии рамизма.

²¹ Как критерии *научности*, так и время возникновения *науки* психологии остро дискуссионны.

²² Шкуратов, 2015.

²³ Термин, получивший распространение благодаря Эдмунду Гуссерлю.

ным русским языком и не прибегая к специальным, может быть, и не всегда удачным приемам? ПСИХОЛОГИЯ произведение также и литературное, в чем мы отдавали себе отчет и сделали перевод стихотворений по обычаю того времени, служащих в качестве эпитафий к ее основному тексту. Слова и выражения, отсутствующие в подлиннике, но необходимые для понимания переводного текста, по традиции поставлены в квадратные скобки. Атрибуция цитат как явных, так и скрытых была одной из самых сложных задач, с которыми столкнулся автор перевода, цитаты из Аристотеля переданы по изданиям: *Аристотель*. Сочинения в 4 тт. М.: Мысль, 1975–1983 и *Аристотель*. О возникновении животных. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Сто сорок пятый псалом дан в Синодальном переводе.

Литература

- Дворецкий И. Х.* (1976). Латинско-русский словарь. М.: Русский язык.
- Майоров Г. Г.* (1979). Формирование средневековой философии (латинская патристика). М.: Мысль.
- Цицерон.* (1985). Философские трактаты. М.: Наука.
- Шкуратов В. А.* (2015). Историческая психология. Введение в историческую психологию. М.: Кредо.
- Augustinus A.* (s.d.). De Anima et eius Origine // Patrologiae Cursus Completus. Paris: s.n. P. 475–548.
- Du Cange D.* (1886). Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. Editio Nova éd. Niort: L. Favre, Imprimeur Editeur.
- Goclenius R.* (1590). Психология: hoc est, de Hominis Perfectione, Animo et in primis Ortu Hujus. Marburg: s.n.
- Goclenius R.* (1597). Психология: hoc est, de Hominis Perfectione, Animo et in primis Ortu Hujus. Editio Nova Correcta et Aucta. Marburg: s.n.
- Hamilton S. W.* (1869). Lectures on Metaphysics and Logic. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons.
- Kant I.* (1997). Lectures on Metaphysics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krstic K.* (1964). Marko Marulic — The Author of the Term “Psychology” // Acta Instituti Psychologici Universitatis Zagrabienensis. N 36. P. 7–13.
- Kuchenbecker J. P.* (1737). Vita Hermanni Vultej, jurisconsulti ex monumentis fide dignis, ut plurimum inedita deprompta, et ad illustrandam Historiam Hassiacam edita. Marburg (Hassa): s.n.
- Lamanna M.* (2010). On the Early History of Psychology // Revista Filosófica de Coimbra. N. 38. P. 291–314.
- Leibnitz G. W.* (1734). Essais de Théodicée sur la Bonté de Dieu la Liberté de L’Homme et L’Origine du Mal. Nouvelle édition Augmentée de L’Histoire de la Vie et des Ouvrages de L’Auteur éd. Amsterdam: François Changuion.
- Luccio R.* (2013). Psychologia — the Birth of a New Scientific Context // Review of Psychology. N 1–2. P. 5–14.
- Luther M.* (1932). D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Weimar: Herman Böhlaus.
- Melanchton P.* (1595). Liber De Anima Recognitus ab autore Philippo Melanchtone. Witteberga: s.n.
- Starobinski J.* (2000). La découverte de la psychologie // L’Epoque de la Renaissance (1400–1600). Crises et essors nouveaux (1560–1610). Amsterdam; Philadelphia: s.n.
- Swedenborg E.* (1815). The Apocalypse or Book of Revelation Explained Accordingly to the Spiritual Sense; in which are Revealed the Arcana which are there Predicted. London: Society for Printing and Publishing the Writings of The Hon. Emanuel Swedenborg.
- Tertullianus Q. S. F.* (s.d.). Liber De Anima // Patrologiae Cursus Completus. Paris: s.n. P. 641–752B.
- Thomas Aquinas.* (1951). Sentencia libri De Anima. Commentary on Aristotle’s De Anima. New Haven: Yale University Press.
- Vidal F.* (2011). The Sciences of the Soul. The Early Modern Origins of Psychology. Chicago; London: Chicago University Press.
- Wolfius C.* (1737). Psychologia Rationalis Methodo Scientifica Pertracta, qua ea, quae De Anima Humana Indubia Experientiae Fide Innotescunt, per Essentiam et Naturam Animae Explicatur. Editio Novissima éd. Verona: s.n.